

О СОСТОЯНИИ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ВОЗМОЖНЫХ ПУТЯХ ЕГО РАЗВИТИЯ

ON THE STATE OF RUSSIAN INTELLECTUAL PROPERTY LEGISLATION AND POSSIBLE WAYS OF ITS DEVELOPMENT

Александр Петрович СЕРГЕЕВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия,
apsergeev2004@mail.ru,
ORCID: 009-005-0435-7351

Информация об авторе

А.П. Сергеев — доктор юридических наук, ординарный профессор кафедры гражданского права НИУ «Высшая школа экономики» (СПб-филиал), советник юридической фирмы «Денуо»

Аннотация. Автор статьи делится своими соображениями о состоянии отечественного законодательства по интеллектуальной собственности и возможных путях его дальнейшего развития. Вначале кратко описан процесс разработки и принятия части четвертой ГК РФ и дана оценка этому событию; затем перечислены концептуальные недостатки современного состояния права интеллектуальной собственности и изложены некоторые идеи относительно перспектив развития законодательства по интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: проект части четвертой ГК РФ, исключительное право, Кодекс интеллектуальной собственности, система судов по интеллектуальным правам

Для цитирования: Сергеев А.П. О состоянии российского законодательства по интеллектуальной собственности и возможных путях его развития // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 49, № 2. С. 74–81; DOI: 10.17323/tis.2024.21715

Alexander P. SERGEEV

• National Research University Higher School of Economics
• (St. Petersburg branch), St. Petersburg, Russian Federation,
• apsergeev2004@mail.ru,
• ORCID: 009-005-0435-7351

• Information about the author

• A.P. Sergeev — Doctor of Legal Sciences, Ordinary Professor of the Department of Civil Law at the Higher School of Economics (St. Petersburg branch), Adviser to the law firm Denuo

• **Abstract.** The author of the article shares his thoughts on the state of domestic legislation on intellectual property and possible ways of its further development. First, the process of developing and adopting Part four of the Civil Code of the Russian Federation is briefly described and an assessment of this event is given; then the conceptual shortcomings of the current state of intellectual property law are listed; and, finally, some ideas are presented regarding the prospects for the development of intellectual property legislation.

• **Keywords:** draft Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation; exclusive right; intellectual property code; system of intellectual property courts

• **For citation:** Sergeev A.P. On the State of Russian Intellectual Property Legislation and Possible Ways of Its Development // Trudi po Intellectuainoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 49 (2). P. 74–81; DOI: 10.17323/tis.2024.21715

|

В декабре 2006 г. была принята часть четвертая Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), вступившая в силу с 1 января 2008 г. Процесс разработки проекта и принятия части четвертой ГК РФ окружен различными мифами, часть из которых сознательно создана для введения общественности в заблуждение, а часть появилась на основе слухов из-за отсутствия у публики объективной информации.

Я не буду останавливаться на том, кем и как в период с 1994 по 2006 г. велась работа над несколькими проектами тех норм об интеллектуальной собственности, которые предлагалось включить в ГК РФ. Отмечу лишь, что проектов было несколько и они концептуально отличались друг от друга. Те, кто хочет более детально ознакомиться с ними, может найти их в Сборнике документов, посвященном истории кодификации российского законодательства об интеллектуальной собственности [1] (см. также [10]). Там же имеется много других любопытных материалов, связанных обсуждениями проекта части четвертой ГК РФ, отзывами на проект, экспертными заключениями и т.п.

Хочу развеять один из мифов относительно разработки и принятия части четвертой ГК РФ, который до сих пор тиражируется и которому многие верят. Таким мифом является официальная версия о том, что проект части четвертой ГК РФ стал результатом упорной работы большого научного коллектива, которая велась на протяжении последних 10–15 лет. Между тем это не соответствует действительности, поскольку часть четвертая ГК РФ имеет мало общего с теми проектами кодифицированного законодательства об интеллектуальной собственности, которые были подготовлены в предшествующие годы, а ее разработчиками являются в основном не те лица, которые работали над проектами ранее.

Для того чтобы убедиться в истинности первого из озвученных тезисов, достаточно просто сравнить ранее подготовленные проекты с тем, что стало в итоге частью четвертой ГК РФ. Поскольку их сравнение заняло бы много места, отмечу лишь один принципиальный момент: все предыдущие проекты исходили из того, что наряду с закреплением положений об ин-

- интеллектуальной собственности в ГК РФ должны быть
- сохранены специальные законы — авторский, патентный, о товарных знаках и т.д.

Утверждение о том, что работа над проектом велась на протяжении 10–15 лет, тоже не соответствует действительности. Напротив, проект части четвертой ГК РФ был подготовлен в рекордно короткое время. Не могу назвать точно этот временной период, но предположительно он составляет вряд ли более года. Делая данный вывод, я исхожу из того, что вплоть до сентября 2005 г. Минпечати РФ¹, а затем Минобрзаования РФ предпринимали попытки провести через Госдуму РФ проект о закреплении в ГК РФ лишь общих положений об интеллектуальной собственности. Напомню, что данный проект был одобрен Советом по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте РФ в декабре 2003 г., а уже в феврале 2006-го был впервые обнародован проект части четвертой ГК РФ, который содержал развернутые положения об интеллектуальной собственности, заменяющие собой все специальные законы.

При этом, если прежние проекты доводились до сведения специалистов и правообладателей, а в 90-е годы даже публиковались в печати [10], то проект части четвертой ГК РФ готовился в обстановке строжайшей секретности достаточно узкой группой разработчиков. Во всяком случае, до февраля 2006 г., когда проект части четвертой ГК РФ был направлен на согласование в министерства и ведомства, о том, что ведется интенсивная работа над новым проектом части четвертой ГК РФ, никто из специалистов даже не догадывался.

Проект части четвертой ГК РФ был подготовлен не только ударными темпами, но и в соответствии с известным принципом «Не боги горшки обжигают». В состав рабочей группы входили лишь трое ученых, имеющих научные заслуги в сфере интеллектуальной собственности — Л.А. Трахтенгерц, Е.А. Павлова и В.О. Калятин². Остальные члены рабочей группы, насколько мне известно, научными изысканиями в данной области никогда не занимались³. Отлучение специалистов от работы над проектом части четвертой ГК РФ было вполне сознательным шагом, поскольку, надо полагать, разработчики с самого

¹ Автор имеет в виду Министерство РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. — Примеч. ред.

² Формально данную группу возглавлял В.Ф. Яковлев, а фактически всей работой руководил А.Л. Маковский.

³ Профессор В.А. Дозорцев, под руководством которого было подготовлено несколько предыдущих проектов, скончался в начале 2003 г.

начала знали, что идея полной кодификации законодательства об интеллектуальной собственности в составе ГК РФ и конструкция единого исключительного права не получат поддержки профессионалов.

И в этом разработчики не ошиблись. Как только проект части четвертой ГК РФ стал достоянием общественности, практически все, кто так или иначе имел дело с интеллектуальной собственностью (ученые, практикующие юристы, представители правообладателей, творческих союзов, предпринимателей), не только выступили с его критикой, но и высказались против его принятия и предлагали ограничиться закреплением в ГК РФ только общих положений об интеллектуальной собственности. Наиболее неожиданной была реакция на проект министерств и ведомств, которым проект был направлен на рассмотрение. Хотя тогдашний председатель правительства РФ Д.А. Медведев, представивший проект, прямо заявил, что проект, по его мнению, прекрасный и что он будет во что бы то ни стало принят в ближайшее время, практически все министерства и ведомства дали на проект отрицательные заключения (они, кстати, есть в приведенном выше Сборнике [1]).

Возникает закономерный вопрос: почему же в условиях, когда проект части четвертой ГК РФ воспринимался, мягко говоря, критически подавляющим большинством заинтересованных лиц, он все-таки стал законом? Ответ на этот вопрос прост и банален: в нашей стране власть преобладающая может протолкнуть через послушных законодателей любые, даже самые одиозные законы, не считаясь с мнением специалистов и общественности. В данном случае «толкачом» стал Д.А. Медведев, которого разработчики проекта части четвертой ГК РФ сумели, как я могу предположить, путем лести и апеллирования к нему как к известному юристу, рекрутировать в свою команду и сделать своим главным лоббистом. Таким образом, Д.А. Медведев отметился в истории нашей страны не только теми неадекватными действиями и высказываниями, которые у всех на слуху, но и тем, что именно благодаря его поддержке была принята часть четвертая ГК РФ.

Что же касается разработчиков проекта части четвертой ГК РФ, то они, на мой взгляд, руководствовались в большей степени не интересами дела, в котором они не слишком разбирались, а прежде всего своими личными амбициями, в частности желанием довести до логического конца работу по полной кодификации гражданского законодательства.

При этом я допускаю, что некоторые члены рабочей группы искренне верили и продолжают верить в правильность тех концептуальных идей, которые были положены в основу проекта части четвертой

ГК РФ. Об этом, в частности, свидетельствует их убежденность в истинности концепции единого исключительного права, носящего сугубо имущественный характер. При этом, как писал А.Л. Маковский, они опирались на труды Г.Ф. Шершеневича и А.А. Пиленко, которые якобы разработали «теорию исключительных прав как строго научное объяснение юридической природы субъективных прав на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации субъектов и объектов торгового оборота» [2, с. 452]. Однако это является явной натяжкой, поскольку в сочинениях Г.Ф. Шершеневича [3, с. 61–69; 4, с. 366–370] и А.А. Пиленко [5] содержалась только критика понятия «интеллектуальная собственность» как особого вида собственности и предлагалось заменить его понятием «исключительные права». Никаких теоретических положений, которые бы обосновывали существование единого исключительного права, ими вообще выработано не было. Напротив, они всегда писали об исключительных правах во множественном числе. Кроме того, ни в коей мере не умаляя научных заслуг этих выдающихся ученых, не могу не указать на серьезную ошибку этих классиков отечественной цивилистики, состоящую в том, что исключительными и нуждающимися в правовой защите они считали только имущественные права. Особенно наглядно это просматривается в трудах Г.Ф. Шершеневича, который считал авторское право сугубо имущественным институтом и сводил его к праву распространения материальных носителей литературных произведений [3, с. 62]. Что же касается личных прав автора, то они, по мнению Г.Ф. Шершеневича, «не подлежат охране со стороны авторского права», «охраняются не авторским правом, а личным правом свободы и печати» [3, с. 64]. Между тем совершенно очевидно и признано большинством специалистов, что личные права автора обладают свойством исключительности в значительно большей степени, чем права имущественные.

Зацикленность составителей проекта части четвертой ГК РФ на том, что в правовой охране нуждаются лишь имущественные права, послужила одной из причин того, что в круг охраняемых частью четвертой ГК РФ объектов интеллектуальной собственности не попали такие традиционные для отечественного права результаты интеллектуальной деятельности, как научные открытия и рационализаторские предложения. Мнение специалистов, предлагавших сохранить их правовую охрану, было отвергнуто, в частности, на том основании, что в отношении этих объектов невозможно обеспечить монополию на использование и сделать их предметом гражданского оборота. А то, что творческая деятельность ученых и лиц, занятых

на производстве, нуждается не только в материальном поощрении, но и в признании их заслуг и личных неимущественных прав, составителей проекта части четвертой ГК РФ вообще не интересовало, поскольку правовая охрана этих объектов не вписывалась в придуманную ими коммерческую схему⁴.

Повествование о перипетиях, связанных с разработкой и принятием проекта части четвертой ГК РФ, можно было бы продолжить, наполнив его рядом деталей⁵, но, не желая злоупотреблять вниманием читателей, перехожу к краткой оценке нынешнего состояния российского законодательства об интеллектуальной собственности.

II

Оценивая современное состояние российского законодательства в области интеллектуальной собственности, можно констатировать, что в целом оно соответствует мировым стандартам, заданным, в частности, Соглашением ТРИПС, т.е. Договором о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности. Российская Федерация участвует во всех основных международных конвенциях в рассматриваемой сфере, что подтверждает данный вывод. Вековая отсталость (это не художественное преувеличение, а констатация факта) российского законодательства в области интеллектуальной собственности от западноевропейского была преодолена еще в первой половине 90-х годов в результате принятия специальных законов по основным институтам права интеллектуальной собственности.

Замена этих законов частью четвертой ГК РФ не оказала особого влияния на уровень охраны интеллектуальных прав в нашей стране. В первоначальной редакции, хотя и частично улучшенной под влиянием критики в процессе обсуждения проекта, часть четвертая ГК РФ содержала множество пробелов и достаточно явных недостатков. Это с очевидностью следует из того, что за 15 лет, с 2008 по 2023 г., в часть четвертую ГК РФ уже более 40 раз вносились изменения и дополнения, причем несколько раз весьма существенные.

⁴ О том, что личные неимущественные права авторов оказались на «заднем плане», писали сами разработчики проекта части четвертой ГК РФ (см., например, [2, с. 590]).

⁵ Дополнительная информация об этом содержится в статье: Сергеев А.П. К истории новейшей кодификации законодательства об интеллектуальной собственности в Российской Федерации (1996–2006 годы) в [1]. Дискуссии, которые велись вокруг проекта части четвертой ГК РФ, порой «зашкаливали», наглядным доказательством чего является статья А.Л. Маковского «Американская история» (Вестник гражданского права. 2007. № 1 С. 165–196), написанная в духе 1937 г.

Сейчас часть четвертая ГК РФ выглядит уже значительно лучше, хотя есть еще над чем работать. Дело, однако, не в частных пробелах и недостатках, которые есть в любом законе, а в тех ошибочных концептуальных положениях, которые положены в основу части четвертой ГК РФ. Перечислим основные из них.

Один из главных недостатков части четвертой ГК РФ — конструкция единого исключительного права, которое охватывает большую часть имущественных правомочий, является неделимым и может отчуждаться лишь целиком. Подобная конструкция, вопреки утверждениям разработчиков, не способствует, а напротив, препятствует обороту прав на объекты интеллектуальной собственности, а также сужает свободу действий правообладателей. Очевидно, если любое из имущественных прав признается самостоятельным субъективным правом, как это принято во всем мире, это значительно удобнее для оборота, а теоретически более оправданно. Иначе говоря, придуманная в свое время профессором В.А. Дозорцевым [6] и подхваченная разработчиками проекта части четвертой ГК РФ конструкция единого исключительного права является искусственной и вредной для оборота.

Принципиально неверным является признание интеллектуальной собственностью самих результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана (п. 1 ст. 1225 ГК РФ). Это не только противоречит п. VIII ст. 2 Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС), от 14 июля 1967 г., в котором указано, что интеллектуальная собственность включает в себя права, относящиеся к литературным, художественным и научным произведениям, изобретениям, товарным знакам и иным объектам, но и теоретически несостоятельно. Ведь это равнозначно признанию собственностью самих вещей, а не права на них.

О дефектности подразделения интеллектуальных прав на три вида, т.е. на исключительное право, личные неимущественные права и иные права, не писал разве что ленивый. Отсутствие единого критерия деления, а также невозможность разграничения правомочий, входящих в состав исключительного права, от иных имущественных прав правообладателя делают деление интеллектуальных прав искусственным и теоретически несостоятельным. Да и само понятие «интеллектуальные права» представляется надуманным, поскольку оказывается невостребованным в части четвертой ГК РФ, в каждой из глав которой оно заменяется более привычными понятиями авторских, смежных, патентных и других прав.

Серьезным недостатком является также закрепление частью четвертой ГК РФ исчерпывающего перечня результатов интеллектуальной деятельности и средств, которым предоставляется правовая охрана. Данное решение привело к тому, что многие результаты творческой деятельности и средства индивидуализации оказались в подвешенном состоянии: с одной стороны, они существуют, и в отношении некоторых из них законами прямо установлено исключительное право [11, п. 1.1 ст. 4]; а с другой стороны, исключительное право на них нельзя защищать с помощью средств, предусмотренных частью четвертой ГК РФ.

В этих условиях было бы разумным распространить правила части четвертой ГК РФ по аналогии закона на охрану хотя бы тех результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, которые, в сущности, мало чем отличаются от объектов интеллектуальной собственности, предусмотренных частью четвертой ГК РФ. Наглядным примером служит наименование некоммерческой организации, к которому вполне применим режим фирменных наименований. Однако Верховный Суд РФ, постановления которого являются составной частью российского права, не решился на этот шаг, предпочтя заявить, что частью четвертой ГК РФ охраняются лишь те результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, которые ею предусмотрены; что же касается всех остальных объектов интеллектуальной собственности, то они должны охраняться на основе общих положений гражданского права и законодательства о защите конкуренции [12, п. 33].

Далее, в своей борьбе с принятым во всем мире понятием «интеллектуальная собственность» составители проекта части четвертой ГК РФ дошли до того, что в 2014 г. добились закрепления в ст. 1227 ГК РФ специального указания на то, что положения разд. II, посвященного праву собственности и иным вещным правам, неприменимы к отношениям интеллектуальной собственности. На мой взгляд, это тоже серьезная ошибка, поскольку никаких объективных причин для закрепления в законе подобного запрета не существует. В российском законодательстве всегда достаточно четко разграничивались право на результат творческой деятельности как благо нематериальное и право собственности на тот материальный носитель, в котором воплощен этот результат. Поэтому не было никакой опасности того, что правила разд. II ГК РФ будут применяться к регулированию отношений, связанных с интеллектуальной собственностью.

Однако возводить «китайскую стену» между разд. II и разд. VII ГК РФ в виде специального запрета на применение норм о праве собственности к интеллектуальным правам было принципиально неправиль-

ным. Право собственности как подотрасль гражданского права располагает проверенным временем арсеналом правовых средств защиты субъективного права собственности. Напротив, право интеллектуальной собственности — самая молодая подотрасль гражданского права, которая к тому же большую часть своей истории развивалась в качестве особой разновидности права собственности. Данные подотрасли связаны друг с другом не только генетически, но и содержательно, поскольку в обоих случаях центральное место в них занимает субъективное право, носящее абсолютный и исключительный характер.

Запрет, предусмотренный ст. 1227 ГК РФ, который, по мнению некоторых специалистов [7, 8] и согласно практике Суда по интеллектуальным правам [13, 14], распространяется на применение правил разд. II к отношениям интеллектуальной собственности даже по аналогии закона, не соответствует общему подходу к правовому регулированию отношений, относящихся к предмету гражданского права и частного права в целом. Ведь этим отношениям не может быть отказано в правовом регулировании на том основании, что отсутствует норма права, прямо на них рассчитанная, поскольку в этом случае к ним по аналогии закона применяется норма, регулирующая сходные отношения (п. 1 ст. 6 ГК РФ).

Суды нередко сталкиваются с ситуациями, при которых обнаруживается, что в части четвертой ГК РФ нет норм, позволяющих разрешить спор, но он может быть урегулирован посредством применения соответствующих норм, содержащихся в разд. II ГК РФ. Примером могут служить споры между соправообладателями, которые весьма сходны со спорами сособственников. На мой взгляд, в этом и подобных ему случаях вполне допустимо и даже необходимо применение аналогии закона (см. [9]).

Краткий обзор серьезных недостатков части четвертой ГК РФ можно продолжать⁶. Однако последнее, о чем просто необходимо сказать, — это ошибка, состоящая во включении в Гражданский кодекс всего законодательства об интеллектуальной собственности с одновременным отказом от специальных законов. К каким отрицательным последствиям это привело? Вот лишь краткий их перечень.

⁶ К ним, в частности, можно отнести практически полное игнорирование интересов государства в отношении объектов интеллектуальной собственности, созданных за счет общенародных средств; пренебрежение личными неимущественными правами авторов и изобретателей; лишение патентного ведомства всяких нормотворческих полномочий; невозможность взыскания компенсации при нарушении прав на некоторые из объектов интеллектуальной собственности и др.

Во-первых, включение всех норм об интеллектуальной собственности в состав ГК РФ поставило Россию в особое положение, поскольку во всем мире законодательство об интеллектуальной собственности представлено специальными законами или кодексами интеллектуальной собственности. Конечно, любая страна свободна в выборе форм и путей развития своего законодательства, но экспериментировать в сфере, которая всегда была ахиллесовой пятой России, вряд ли оправдано. Кроме того, это обстоятельство препятствует унификации законодательства об интеллектуальной собственности стран, входящих в ЕАЭС, поскольку во всех этих странах сохранены специальные законы, и никем не воспринят кодификационный опыт Российской Федерации.

Во-вторых, включение в ГК РФ большого числа норм административного характера в значительной степени подрывает его значение как основополагающего акта гражданско-правового характера. Строго говоря, такое решение прямо противоречит п. 1 ст. 2 ГК РФ, согласно которому «гражданское законодательство регулирует имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников». Присутствие административных норм естественно в комплексных нормативных актах, каковыми являются специальные законы, но вряд ли уместно в ГК РФ.

В-третьих, данное решение подрывает доверие к ГК РФ как к закону, который по определению должен обладать большей стабильностью по сравнению с обычными законами. В настоящее время часть четвертая ГК РФ по объему более чем в три раза превышает раздел, посвященный праву собственности и иным вещным правам. Это произошло за счет того, что в нее включили множество малозначительных, подчас сугубо технических норм, которые уместны в специальном законе, но которых не должно быть в Гражданском кодексе. Поэтому неслучайно за 15 лет в часть четвертую ГК РФ изменения и дополнения вносились уже более 40 раз.

На этом позволю себе завершить вторую часть статьи и перейти к заключительной ее части, в которой хочу поделиться некоторыми соображениями относительно возможных путей совершенствования российского законодательства об интеллектуальной собственности.

III

Вначале сделаю одну оговорку. Перспективы правового регулирования интеллектуальной собственности не только в нашей стране, но и во всем мире

весьма туманны. Интернет, искусственный интеллект, тотальная цифровизация, технология блокчейн и прочие подобные явления создают такие проблемы в рассматриваемой сфере, с которыми традиционное право интеллектуальной собственности явно не справляется. Поэтому можно ожидать, что в будущем появятся принципиально другие механизмы правового регулирования в рассматриваемой сфере. Право интеллектуальной собственности в его сегодняшнем понимании тоже сохранится, но сфера регулируемых им отношений существенно сократится. Данный вопрос нуждается в самостоятельном исследовании и не является предметом настоящей статьи. В ней пойдет речь о том, как можно улучшить российское законодательство, избавив его от тех недостатков, о которых сказано выше.

Можно наметить три возможных пути. Первый путь — это дальнейшее совершенствование части четвертой ГК РФ, исправление частных ошибок, устранение пробелов, отмена некоторых одиозных статей, то есть внесение точечных изменений по всему тексту части четвертой ГК РФ. Это путь менее затратный, чем второй и третий, но он не избавляет часть четвертую ГК РФ от ее главных недостатков, поскольку устранение последних разрушит всю конструкцию части четвертой ГК РФ.

Второй возможный вариант заключается в отмене части четвертой ГК РФ с заменой ее общими положениями о праве интеллектуальной собственности, в которых должны быть исправлены концептуальные ошибки, допущенные при кодификации. С опорой на общие положения должны быть вновь приняты отдельные законы, посвященные соответственно авторскому праву, патентному праву, охране товарных знаков и т.д.

Наконец, третий вариант состоит в отмене части четвертой ГК РФ с одновременным дополнением ГК РФ рядом норм, связующих общие положения ГК РФ с новым комплексным нормативным актом, который предстоит принять, а именно с Кодексом интеллектуальной собственности. Данный кодекс мог бы включать в себя не только общие положения (общую часть), но и главы, посвященные отдельным институтам (авторскому праву, патентному праву и т.д.), которые заменили бы собой специальные законы в рассматриваемой сфере. В Кодексе интеллектуальной собственности могли бы быть исправлены не только концептуальные, но и многие частные ошибки, до сих пор присутствующие в части четвертой ГК РФ, а также могла бы быть реализована хотя бы часть решений тех новых проблем, которые ставят перед обществом новые технологии. При создании Кодекса интеллектуальной собственности за основу можно

было бы взять модельный Кодекс интеллектуальной собственности, принятый Межпарламентской ассамблеей стран СНГ в 2010 г. [15].

Последний путь представляется наиболее предпочтительным и перспективным, поскольку соответствует мировой тенденции кодификации законодательства об интеллектуальной собственности.

Представляется, что в реформировании нуждается не только законодательство об интеллектуальной собственности, но и судебная система, поскольку в настоящее время качество правосудия по спорам, связанным с интеллектуальными правами, является невысоким. Десять лет назад, в 2013 г., был создан Суд по интеллектуальным правам (далее — СИП), что стало неожиданным, но очень положительным событием. Как известно, СИП был создан в качестве специализированного арбитражного суда и продолжает оставаться в этом качестве в настоящее время. Деятельность данного суда большинством специалистов оценивается положительно, в чем немалая заслуга его председателя — профессора Л.А. Новоселовой.

СИП рассматривает восемь категорий дел в качестве суда первой инстанции, а также выступает кассационной инстанцией по делам, рассмотренным им самим по первой инстанции, и делам о защите интеллектуальных прав, рассмотренным арбитражными судами субъектов РФ по первой инстанции и арбитражными апелляционными судами.

На мой взгляд, назрела необходимость построения в нашей стране самостоятельной системы судов по интеллектуальным правам. Очевидно, что решение о создании СИП в системе арбитражных судов было половинчатым, компромиссным решением. Да, к компетенции СИП как суда первой инстанции были отнесены самые сложные дела, прежде всего по оспариванию решений патентного ведомства, Роспатента. Но этот положительный момент имеет и обратную сторону, которая состоит в большой перегрузке этого суда. Кроме того, поскольку СИП входит в систему арбитражных судов, он может рассматривать только споры между субъектами предпринимательской деятельности. Это означает, что авторы, изобретатели и другие физические лица могут обращаться за защитой своих нарушенных прав лишь в суды общей юрисдикции, которые, следует прямо признать, не готовы к осуществлению качественного правосудия по спорам, связанным с интеллектуальными правами.

Далее, в настоящее время в СИП нет апелляционной инстанции, что тоже представляется результатом компромисса, достигнутого на этапе создания данного суда. Между тем она была бы в данном случае нелишней. Наконец, едва ли правильно иметь единственный специализированный суд по интеллек-

туальным правам, расположенный в Москве, в такой большой по территории стране, как Россия. Подобные суды целесообразно создать во всех федеральных округах: в Санкт-Петербурге — для Северо-Запада, в Хабаровске — для Восточной Сибири и Дальнего Востока, в Ростове-на-Дону — для южных регионов России и т.д.

Вопрос о том, какими полномочиями должны быть наделены эти суды, требует дополнительной проработки со стороны процессуалистов. Однако цели их создания очевидны: первая — обеспечить доступ к качественному правосудию для всех категорий правообладателей; вторая — облегчить фактическую возможность обращения за защитой нарушенных интеллектуальных прав, поскольку рассмотрение споров в Москве оборачивается для заявителей из регионов большими временными и финансовыми затратами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белая книга. История и проблемы кодификации законодательства об интеллектуальной собственности: Сб. документов, материалов и научных статей / под ред. В.Н. Лопатина. М.: Издание Совета Федерации, 2007.
2. Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). М.: Статут, 2010.
3. Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань. 1891 // Избранное: в 6 томах. Т. 3. М., 2017.
4. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1911 // Избранное: в 6 томах. Т. 5. М., 2017.
5. Пиленко А.А. Право изобретателя (по изд. 1902–1903 гг.). М.: Статут, 2001.
6. Дозорцев В.А. Понятие исключительного права // Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сборник статей. М.: Статут, 2003.
7. Комментарий к части четвертой ГК РФ (постатейный) / отв. ред. Е.А. Павлова. М., 2018 (автор комментария к ст. 1227 — О.М. Козырь).
8. Васильева Е.Н. Правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности, созданных за счет средств федерального бюджета // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 5.
9. Лукашевич Т.А. Допустимость аналогии вещного законодательства к отношениям в связи с интеллектуальной собственностью // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Сентябрь 2023. Вып. 3 (41). С. 159–168.
10. Проблемы интеллектуальной собственности в Гражданском кодексе России. Материалы международной научно-теоретической конференции (М., Инт

- международ. права и экономики, 26 марта 1999 г.) // Труды по интеллектуальной собственности. Т. 1. 1999.
11. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях».
 12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».
 13. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16 апреля 2019 г. по делу № А51-25127/2016.
 14. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 9 апреля 2021 г. по делу № А40-315975/2019.
 15. Модельный кодекс интеллектуальной собственности для государств — участников СНГ (принят в Санкт-Петербурге 07.04.2010 Постановлением № 34-6 на 34-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. 2010. № 47. С. 133–183.
10. Problemy intellektual'noj sobstvennosti v Grazhdanskom kodekse Rossii. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoj konferencii (M., IMPE, 26 marta 1999 g.) // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti. T. 1. M., 1999.
 11. Federal'nyj zakon ot 12 yanvarya 1996 g. No 7-FZ "O nekommercheskih organizacijah".
 12. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23 aprelya 2019 g. № 10 "O primenenii chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii".
 13. Postanovlenie Suda po intellektual'nym pravam ot 16 aprelya 2019 g. po delu No A51-25127/2016.
 14. Postanovlenie Suda po intellektual'nym pravam i ot 9 aprelya 2021 g. po delu No A40-315975/2019.
 15. Model'nyj kodeks intellektual'noj sobstvennosti dlya gosudarstv-uchastnikov SNG (prinyat v Sankt-Peterburge 07.04.2010 Postanovleniem 34-6 na 34-m plenarnom zasedanii Mezhparyamentskoj Assamblei gosudarstv-uchastnikov SN) // Informacionnyj byulleten'. Mezhparyamentskaya Assambleya gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv. 2010. No 47. S. 133–183.

REFERENCES

1. Belaya kniga. Istorija i problemy kodifikacii zakonodatel'stva ob intellektual'noj sobstvennosti: Sb. dokumentov, materialov i nauchnyh statej / pod red. V.N. Lopatina. M., 2007.
2. Makovskij A.L. O kodifikacii grazhdanskogo prava (1922–2006). M., 2010.
3. Shershenevich G.F. Avtorskoe pravo na literaturnye proizvedeniya. Kazan'. 1891 // Izbrannoe: v 6 tomah. T. 3. M., 2017.
4. Shershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. M., 1911 // Izbrannoe: v 6 tomah. T. 5. M., 2017.
5. Pilenko A.A. Pravo izobretatelya. (po izd. 1902–1903 gg.). M., 2001.
6. Dozorcev V.A. Ponyatie isključitel'nogo prava // Intellektual'nye prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikacii: sbornik statej. M., 2003.
7. Kommentarij k chasti chetvertoj GK RF (postatejnyj) / otv. red. E.A. Pavlova. M., 2018 (avtor kommentariya k st. 1227 — O.M. Kozyr').
8. Vasil'eva E.N. Pravovaya ohrana rezul'tatov intellektual'noj deyatel'nosti, sozdannyh za schet sredstv federal'nogo byudzheta // Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii. 2019. No 5.
9. Lukashevich T.A. Dopustimost' analogii veshchnogo zakonodatel'stva k otnosheniyam v svyazi s intellektual'noj sobstvennost'yu // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. Sentyabr' 2023. Vyp. 3 (41). S. 159–168.